

М.П. Мерзляков

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ НИЖНЕГО ДОНА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ 1942–1943 гг.

Великая Отечественная война стала трагическим периодом в истории нашей страны. Ее события подняли широкие массы населения Советского государства на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. История повседневной жизни как комбатантов, так и мирного населения в тылу, притягивает всё больше исследователей. На наш взгляд, важно обратить внимание на психологию поведения человека в условиях оккупации на примере Нижнего Дона, социально-экономические изменения в этих условиях и методы привлечения местного населения на свою сторону немецкой администрации.

Социально-хозяйственное устройство станиц и хуторов Нижнего Дона в условиях оккупационного режима имело свои особенности. В период оккупации 1942–1943 гг. произошли серьезные изменения в хозяйственной и повседневной жизни жителей донских станиц, появились новые формы управления и приемы агитации немецко-фашистских захватчиков в отношении местного населения средствами периодической печати, издаваемой на оккупированной территории.

В конце июля 1942 г. немецкие войска захватили все города и станицы Нижнего Дона. Однако линия фронта проходила от них в непосредственной близости, вследствие чего здесь была создана система военного управления с присущими ей элементами. Главными органами власти на оккупированной территории Нижнего Дона были немецкие военные комендатуры. Вместе с комендатурами и полицейскими участками появились и новые должности – бургомистры и старосты. Была возвращена традиционная казачья система самоуправления – атаманская власть (выборная и назначаемая). Так, в Романовском районе (сейчас – Волгодонской район Ростовской области) оккупационные власти назначили атаманом Семена Васильевича Арькова [2: 364]. В оккупационной периодической печати педалировалась идея возрождения былой славы казаков. Однако станицы и хутора не имели возможностей для демократического выбора своих кандидатов на эти должности. Во все станицы и хутора, входившие в Романовский район, оккупанты назначили атаманов, подчинив их

районному атаману Арькову. Сам же районный атаман был подчинен немецкому коменданту Тениссену. В документах отмечается: «Романовский район являлся центром округа, куда входили Мартыновский, Калмыцкий, Цымлянский и Романовский районы, которые были подчинены окружному сельхозкоменданту, он и был военный комендант, по национальности немец, в чине обер-лейтенанта, по фамилии ШУСТЕРАНТ-КУРТ (так в документе. – М.М.)» [2: 364]. Он совмещал как военную власть, так и гражданскую ввиду близости линии фронта.

В период оккупации продолжали действовать необходимые для нормального функционирования станиц и хуторов административно-хозяйственные структуры: финансовый и дорожный отделы, банк, земельное управление и т.д. Начали издаваться газеты, например, «Казачьи думы». Газета издавалась с разрешения окружного коменданта, который ставил визу на каждом номере, а в его отсутствие эти полномочия выполнял районный комендант. Немцы сохранили колхозы, назначив во главе каждого хозяйства по старосте, который подчинялся атаману. Любопытно, что немцы хотели перестроить колхозное хозяйство на общинное, являвшееся переходной формой к установлению единоличного хозяйства. Десять дворов с помощью тягла должны были обрабатывать землю сообща. В должностные обязанности старост входили не только организация работ в сельском хозяйстве, но и наведение порядка в станицах и хуторах, соблюдение режима военного времени, а также выявление партизан [1].

Для передвижения по оккупированной территории выдавали удостоверения на немецком языке, обладая которыми, представители коменданта и члены сельхозобщин могли разъезжать по тылам фронта для своих целей. Необходимо отметить, что в период оккупации в качестве иностранного языка изучался исключительно немецкий язык.

В первые дни оккупации вышли приказы о светомаскировке, запрете ночных хождений, ночлеге прохожих. В таком режиме теперь протекала жизнь всех населенных пунктов Ростовской области. Раздорский район, с входившими в него станицами Раздорской, Мелиховской, Верхнекундрюченской и Нижнекундрюченской, хуторами Апаринским, Бородиновским, Бронницким, Виноградным, Дубровским, Исаевским, Каныгиным, Кривая Лука, Кривым, Крымским, Ольховским, Пухляковским, Тереховым, Топилиным, Черни,

Чумаковским и другими, с первых дней испытал все тяготы новой оккупационной политики [10: 17]. Одной из первостепенных задач стояла перепись немецкой администрацией населения, которая и состоялась в августе 1942 г.

Как и на других оккупированных территориях СССР, в станицах и хуторах Дона с первых дней новая власть стала уничтожать советскую символику и литературу. В приказе № 47 от 10 октября 1942 г. с исходящим номером № 612 по Семикаракорскому району всем хуторским атаманам и квартальным предписывалось изъять у населения сочинения Ленина и Сталина – о Ленине, журналы «Пропагандист», «Спутник агитатора» и брошюры. «Все это сдать в станичное правление (комната № 3). Не сдавшие указанной литературы будут наказаны по законам военного времени» [8: 5]. Подписал приказ станичный атаман Кочконогов. Уже спустя всего 4 дня помощник атамана Елисеева в приказе № 627 запрашивал, что было сделано по приказу № 47. Помимо указанной литературы, он требовал изъять и «Краткий курс истории ВКП(б)» [8: 9].

Вместе с тем следует отметить, что оккупация региона имела свою ярко выраженную специфику. Именно в казачьих станицах немецко-фашистское командование рассчитывало найти массовую поддержку населения. Расчет был на актуализацию «обид» казаков в отношении советской власти. С первых дней установления советской власти на Дону последовали антирелигиозные акции, в том числе и разрушение храмов, а коллективизация и раскулачивание лишь усилили негативное восприятие всех мероприятий советской власти. Немецкая пропагандистская машина охотно воспользовалась ошибочной политикой большевиков в отношении казачества, стала беречь прошлые исторические травмы, умело разыгрывать казачью карту в установлении «нового порядка» на Дону. Немецко-фашистские власти, декларируя «идеи освобождения от колхозного сталинского рабства», взяли под контроль и заставили работать на нужды оккупантов бывшие колхозные хозяйства Дона. В бывших колхозах образовались общины. 8 августа, через 16 дней после захвата Раздорского района, новые власти начали вести журнал исходящих документов Раздорской районной сельскохозяйственной управы. Но работать на благо экономики рейха людей заставили практически сразу. Практика выживания

была проста с позиции немецко-фашистской администрации: хочешь жить – работай. Повседневный стереотип крестьянского менталитета во время голода не всегда гуманен, но всегда рационален. Чтобы жить и не умереть от голода, нужно было приспособливаться. Да и как иначе было выжить людям, оставшимся без крова, вещей на обмен. Причем процессы ведения хозяйственной деятельности централизовались и регламентировались оккупационными властями. Так, 17 августа 1942 г. был издан приказ: «Всем старостам р-на предложить перерабатывать овощи на заготпунктах» [9: 3].

Ответ на вопрос, какими были цены, как шло отоваривание, можно найти в приказе № 30. Приказ вступал в силу с 1 октября, им определялись цены для общественных рынков и магазинов Новочеркаска.

Таблица 1. Цены на продукты, установленные приказом № 30 Новочеркасской городской управы от 1 октября 1942 г. по г. Новочеркасску [3: 2]

Наименование продуктов	Цена за килограмм	Наименование продуктов	Цена за килограмм
Капуста	90 к.	Сладкий перец	1 р.
Свекла	60 к.	Красный перец	1 р. 60 к.
Морковь	1 р.	Подсолнух	3р. 50 к.
Чеснок	3р. 50 к.	Яблоки	7 р.
Свежие помидоры	1 р. 10 к.	Груши	7 р.
Соленые помидоры	2 р.	Рыба	3 р. 40 к.
Свежие огурцы	90 к.	Птица живая (гуси, утки, куры)	10 р.
Огурцы соленые	1 р. 50 к.	Птица битая (гуси, утки, куры)	15 р.
Тыква	1 р. 20 к.		
Арбузы	1 р. 40 к.		

Одними приказами жизнь было не наладить. Несмотря на приказ № 30, цены росли, и появилась продажа из-под полы. Возник дефицит продуктов. Полиция своими действиями по поиску нелегальной

торговли, считавшейся спекуляцией, только ухудшала ситуацию. Срыв торговли тяжело отразился на городском населении. Городская управа волевым решением установила цены только на продукты и товары, а расценки на труд были упущены. Они подгонялась под цену товара: «А сейчас парикмахер за 15 минут бриться берет 5 р., штамп к удостоверению в полиции 6 рублей, а номер газеты 1 рубль» [1: 1]. Крестьяне, естественно, не хотели продавать курицу за 10 рублей или кочан капусты за 90 копеек. Вакханалия с ценами на продукты и вещи обрушила рынок.

Советская власть, изъяв радиоприемники, оставила населению практически один источник информации – сводки Совинформбюро. Создался информационный вакуум, что породило состояние тревоги у населения. В свою очередь, немецкая оккупационная администрация усилила нажим на людей, изъяли даже телефоны: «до 5 сентября 1942 года все, находящиеся в их квартирах и конторах телефонные аппараты, не включенные до настоящего времени в русскую телефонную сеть» предлагалось сдать, за невыполнение этого приказа население «будет строго наказано» [5: 1]. Отсутствие информации порождало у людей панические настроения. Люди боялись германской армии. У них не было чувства личной и коллективной безопасности.

Информацию можно было получить из газет, которые издавались на оккупированной фашистами территории поселений и городов Нижнего Дона. Статьи носили пропагандистский характер, в них прославлялись Адольф Гитлер, немецкий вермахт и славная былая жизнь Войска Донского. Так, в газете «Новочеркасский вестник» 9 октября вышла хвалебная статья «Возвращение казаков из изгнания» [11: 2]. Автор с упоением рассказывал о том, как изменился уклад жизни казаков и что казаки-эмигранты не узнают свои станицы и хутора. В каждой казачьей станице были 2–3 хлебные ссыпки, 2–3 склада с керосином и нефтью, 5–6 мануфактурных магазинов, лесные биржи, несколько бакалейных магазинов, рыбные лавки. А остались по два колхозных магазина с перламутровыми пуговицами и ячменным кофе [11]. В статье «Станица Грушевская – сегодня» сообщались следующие интересные сведения: «В станице налаживается нормальная жизнь выбран станичный атаман г-н Садченков Е.Д. Ему помогают участвующие старосты. Работает больница и ветеринарный пункт, открыто

три парикмахерские, восстанавливаются Иоанно-Богословская и Варваринская церкви. В первой уже происходит богослужение» [6: 2].

Жители станиц и городов узнавали новости из радиоточек, которые работали в определенные часы. До начала работы трансляционной радиосети часы следовало проверять по станционным гудкам, которые продавались по европейскому времени в следующем порядке: первый гудок – в 5 часов утра, второй – (два гудка) – в 5 часов 30 минут, третий (три гудка) – в 6 часов. Днем: первый – в 11 часов, второй (два гудка) – в 13 часов. Вечером по окончании работ – в 17 часов – давался один протяжный гудок [4: 2].

Немецкие оккупационные власти, как и советское правительство, боролись за ресурсы. Так, в газете «Новочеркасский вестник» за 1942 г. в статье «Дополнительные ресурсы виноградно-винодельческих хозяйств» поднимался вопрос об отходах, остающихся в результате переработки винограда, – виноградных косточках и побегах виноградника (чубуках), удаленных при обрезке [7: 2]. Отмечалось, что в винограде содержится до 12 % жирного масла, которое использовали в питании и технических целях. С одного гектара виноградника получалось 50 кг виноградного масла. Доходность виноградарско-винодельческих хозяйств планировалось повышать за счет использования выпадающих материалов.

Для людей, проявивших свое несогласие с политикой оккупационных властей, были приготовлены разные средства наказания – от плетей и штрафов до расстрела. Самым страшным местом наказания стала шахта имени Красина в г. Шахты, где были казнены не менее 3,5 тыс. человек. В акте № 1103 Шахтинской городской комиссии по расследованию зверств и злодеяний немецко-фашистских захватчиков приводятся ужасные подробности того, как «гитлеровцы завели женщину с ребенком и приказали ей поднять ребенка над головой, женщина уронила ребенка на пол, когда немцы расстреляли ее, а ребенка вместе с трупом матери живым бросили в шахту» [2: 304].

Фашистская оккупация стала трагическим периодом в истории Нижнего Дона. В Шахтах, Новочеркасске, Новошахтинске и в других городах происходили массовые расстрелы местных жителей и советских военнопленных. В станицах и хуторах расстрелы не носили такого массового характера. Оккупанты стремились в своих целях

использовать «обиды», нанесенные советской властью казачьему населению. Некоторые жители по разным мотивам пошли на сотрудничество с оккупантами. Но большая часть населения всё-таки ждала освобождения своих станиц от захватчиков.

Источники и литература

1. А.М. Вахханалия цен // Новочеркасский вестник (далее – НВ). 1942. 26 октября. № 6.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область. М., 2020.
3. Городской голова И. Иванов // НВ. 1942. 4 окт. № 46.
4. Местный комендант. Вниманию населения города Новочеркаска // НВ. 1942. 19 августа. № 6.
5. Местный комендант. Приказ // НВ. 1942. 26 августа. № 12.
6. Петров Н. Станица Грушевская – сегодня // НВ. 1942. 19 августа. № 6.
7. Флеров А. Виноградарство и виноделие на Дону // НВ. 1942. 1 ноября. № 70.
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 446.
9. Центр хранения архивных документов в г. Шахты (далее – ЦХАД). Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 3.
10. ЦХАД. Ф. Р-681. Оп. 1. Д. 276.
11. Я.Р. Возвращение казаков из изгнания // НВ. 1942. 9 октября. № 50.

Е.Е. Красноженова

**«МЫ СРАЗУ СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ»:
ДЕТИ И ПОДРОСТКИ В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ
(на материалах Ленинградской области)¹**

Оккупация Северо-Запада России стала особым явлением в истории Великой Отечественной войны. Здесь она была длительной,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>. This work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>.